

О.А.Сергеева

ЦАРСКАЯ ГОЛГОФА ГЛАЗАМИ В.В.МАЯКОВСКОГО

Рассматривается проблема отношения поэта В.В.Маяковского к последнему Императору России Николаю II. Автор работы пытается пролить свет на некоторые актуальные вопросы современности: почему убийство Царя совершилось в Екатеринбурге — Свердловске? Какие силы были причастны к этому злодеянию? Какими художественными средствами поэт показал события, имеющие для истории России ключевое значение в прошлом и настоящем? Поиск ответов на эти вопросы ведется с опорой на фольклорный, мифологический, символический материал. Результатом исследования становится мысль о торжестве справедливости вопреки попытке поэта исказить характеристику личности Царя.

Ключевые слова: Царь, карнавал, ритуальное убийство, древо, миф, икона, символ

С января по апрель 1928 года В.В.Маяковским было написано и опубликовано четыре стихотворения, имеющих отношение к личности Николая II. Два из них посвящены советской провинции конца 1920-х годов («Три тысячи и три сестры», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»), третье («Император») — Царской теме, в частности, убийству Государя и членов Его Семьи, совершившемуся в провинции. Четвёртое («Екатеринбург — Свердловск») отразило облик провинциального города, претерпевшего изменения со времен царской России, и коснулось посмертной судьбы Императора Николая II и всей России.

Из творческой биографии поэта известно, что в январе 1928 года он совершал поездку по Союзу. Какая была тому причина? — Как справедливо заметил исследователь, «тайна поездок Маяковского была <...> сложна и драматична: он спорил со временем, пытаясь переломить глубоко тревожившую его социальную тенденцию, и одновременно спорил с самим собой. <...> в неизбежной (рано или поздно) для любого поэта ситуации самооценки Маяковскому необходимо было сверять пафос своего творчества с теми процессами, с которыми он соотносил действие своих стихов» [1].

Стартовое стихотворение, открывающее «уральский цикл» («Три тысячи и три сестры»), Маяковский начинает с цитаты из пьесы А.П.Чехова («В Москву! В Москву! В Москву!»), тем самым сводя на нет желание трёх сестёр переехать в столицу по причине появления таковых на советской периферии. Идея стихотворения выражает мысль о том, что индустриальное чудо сотворилось здесь, в провинции, и незачем искать его на стороне. Отсюда бодряя констатация факта: «Пиджак Москвы / для Союза узок. / И вижу я — / за столицей столица / растёт / из безмерной силы Союза. <...> / выдуливаются, / во все Советские Штаты, / новорожденные столицы!» [2]. К таковым он отнес Харьков, Баку, Казань. Свердловск в этом списке был следующим¹.

Мысль о поездке в Свердловск вызрела задолго до события. Дело в том, что весной 1927 года, совершая заграничное турне, Маяковский встречался со своим близким знакомым — Петром Лазаревичем Войковым, который в 1918 году как член Уральского облсовета был не только причастен к решению о расстреле Николая II, Его жены, сына, дочерей и их спутников, но и способствовал сокрытию следов этого преступления: зафиксированы два письменных требования Войкова выдать одиннадцать пудов серной кислоты, позднее использованной для уничтожения трупов [3]. Не исключено, что в Варшаве Войков посвятил Маяковского в некоторые подробности так называемого «Царского дела».

Была и личная, скрытая причина поездки на Урал: к Дому Романовых Маяковский с детства питал ненависть и к его разрушению приложил стило художника слова (см., например, подборку произведений к 10-летию Октябрьской революции: «Февраль», «По городам Союза», «Корона и кепка», поэма «Хорошо!» и др.). «Читая (публике — О.А.) стихотворение «Император», написанное под впечатлением поездки в Свердловск, поэт говорил так: «Конечно, как будто ничего особенного — посмотреть могилу царя. Да и, собственно говоря, ничего там не видно. Ее даже трудно найти, находят по приметам, причем этот секрет знаком лишь определенной группе лиц. Но мне важно дать ощущение того, что ушла от нас вот здесь лежащая *последняя гадина* (выделено нами — О.С.) последней династии, столько крови выпившей в течение столетий» [4].

Примечательно, что поездка в Свердловск (город переименован из Екатеринбурга в 1924 г. и значился таковым до 1991 г.) чуть было не сорвалась. Судьба не пускала Маяковского на Урал. Во-первых, поэт неожиданно заболел, а во-вторых, импресарию П.И.Лавут, приехавший за несколько дней до Маяковского в Свердловск (по Церковному календарю — на Рождество Христово — 7 января 1928 г.), не сразу смог договориться о предоплате с «Деловым клубом», где должно было проходить выступление поэта. Возможно, одной из причин откладывающейся поездки следует считать ту, что связана с необходимостью заблокировать имеющую место быть фальсификацию расправы над Царской Семьёй. Конфликт с местным начальством помог разрешить, видимо, не случайно оказавшийся в Свердловске в это же время советский наркомпрос А.В.Луначарский (на областном съезде по вопросам образования он собирался выступить с докладом «Христианство и коммунизм» [4, с. 123]. Одним словом, 26 января 1928 года Маяковский прибыл в столицу

Урала, пробыл в ней четыре с лишним дня, а утром 30 января отправился дальше — в Пермь (место расстрела членов императорской фамилии).

Судя по стихотворению «Екатеринбург — Свердловск», город произвел на Маяковского двойственное впечатление. С одной стороны, «сплошная стройка» («Полунебосрэбы / лесами поднял, / чтоб в электричестве / мыть вечера...») — дань Маяковского американской цивилизации, прогрессу), с другой — «заколдованное место» (как в одноименной повести Н.В.Гоголя): «... вдруг / проспект / обрывает разбег», «а рядом — / гриб, / дыра, / преисподняя, / как будто / у города / нету / «сегодня», / а только — / «завтра» / и «вчера» [5]. Провал во времени — результат стертого с земли образа города в прошлом: «У этого города / нету традиций, / бульвара, / дворца, / фонтана и неги» [5]. Заявить так — значит признать соответственно: нет религиозного культа; нет культуры прошлых веков, нет Царя; а в целом, нет связи образа города с его иконой-первообразом — Небесным градом. Вот почему проспект (от греч. — *перспектива*) обрывается. Это дорога без перспективы — в преисподнюю. Интуитивное прозрение не обмануло поэта — не бывает городов без прошлого. Но деформированное богоборческим опытом сознание противоречит очевидному, отсюда — обезличенное риторическое приветствие: «У нас / на глазах / городище² родится / из воли / Урала, / труда / и энергии!» [5, с. 230].

Последний Царь и Его Семья, запечатленные в стихотворениях «Император» и «Екатеринбург — Свердловск», — это изображения, поставленные Маяковским в один ряд с антииконой города, несущегося в пропасть. Как советский «агитатор, горлан и главарь» осмыслил это событие? Биохроника поэта свидетельствует, что 27 января до глубокого вечера Маяковский просидел в гостях у председателя Свердловского окружного исполкома А.И.Парамонова, и тот уже на следующий день, 28 января, показал поэту и Дом Ипатьева, и Ганину Яму, и старую Коптяковскую дорогу, на которой якобы были спрятаны останки членов Царской Семьи.

Если взглянуть на карту Урала, можно обнаружить, что места расправы с членами Династии Романовых (Пермь — Екатеринбург — Алапаевск) образуют дугу с центром в Екатеринбурге, который усилен треугольником: Дом Ипатьева — Ганина Яма = Коптяки (точнее, «Поросенков лог» на Старой Коптяковской дороге). Именно здесь Я.Юровский и его команда совершили убийство Помазанника Божия, Его Семьи и близких. Осмелимся предположить, что две дуги, исходящие из топографического центра (ныне — снесённый Дом Ипатьева), — не что иное, как проекция перевёрнутого вершиной вниз треугольника, или сатанинских рогов, вдоль которых должны бы располагаться культовые сооружения и / или артефакты³ [6-9]. Середина же, из которой рога растут, есть не что иное, как жертвенник, через который осуществляется связь с высшими иерархами темной силы. Именно поэтому сюда, им в жертву, и были привезены Царственные мученики. Топоним «Поросенков лог», вблизи которого произошло расчленение останков Царской Семьи, мистическим образом обозначает темного духа, который чаще всего изображается со свиным рылом (ср. Лк. 8, 32-33: изгнание бесов в стадо свиней [10]; свиное рыло у черта из повести Н.В.Гоголя «Ночь перед Рождеством»). Если наложить треугольник на дугу, то с некоторой долей допустимого можно увидеть масонский знак — перевёрнутую звезду, которая всегда символически помечает места присутствия сатанинской силы.

Современный исследователь Н.Н.Козлов выдвинул гипотезу о том, что генезис жертвенных центров Урала мог восходить к малоазийским хтоническим культам [11]. О том, что в сердцеvine Уральских гор еще в дохристианские времена поклонялись, например, Исиде, свидетельствует и название реки, на которой стоит Екатеринбург, — Исеть, и, возможно (по нашему предположению) топоним Урал: Ур-(х)ал-дейский⁴ [12-13]. Само имя «Исида» означает «трон», который одновременно является и её головным убором. Из мифов известно, что Исида строила храмы из чистого золота, бесконечно чтит мастеров по золоту и другим металлам [14]. Кроме того, Исида тесно связана с практикой ритуальных убийств монарха, о чем свидетельствует миф об Озирисе: Исида вышла замуж за своего брата Осириса и зачала с ним Гору. Когда злой Сет убил её мужа и разбросал 12 частей его тела по Египту, Исида с помощью пёсеголового бога мумифицирования Анубиса собрала их и восстановила тело своего супруга с помощью магии [15]. Д. А.-Ж.Пернети, ссылаясь на Диодора, приводит пространную выдержку о том, что в Древней Греции и в Древнем Риме Исиду называли по-разному: «... и Венерой, и Дианой, и Прозерпиной, и Церерой, и Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой...» [14]. Как полагает Н.Н.Козлов, последнее из упомянутых имен — Геката — имеет прямое отношение к Екатеринбургу [16].

Город Екатеринбург был основан в 1723 году В.Н.Татищевым как центр Уральской горной промышленности. Историки считают, что он получил свое название в честь императрицы Екатерины I. Но по мнению представителей мифологической школы, — в честь греческой богини Екатерины (в переводе с греческого — *благословение Гекаты*) — владычицы подземного царства, Гекаты горной, или «в горе» (-ин- + -бург). Отсюда популярные на Урале мифы о «хозяйке медной горы», творчески переработанные П.Бажовым [16]. О дореволюционной связи Екатеринбурга и Царствующих особ Династии Романовых в пренебрежительно-уничтожительном тоне, с позиций победившего хама, вспоминает лирический герой стихотворения «Екатеринбург — Свердловск»⁵: «Под Екатеринбургом / рыли каратики, / вгрызались / в мерзлые / породы и руды — / чтоб на грудях / коронованной Катьки / переливались / изумруды» [5, с. 228].

По мнению лирического героя стихотворения — классового врага Династии — эксплуатация шахтеров-горнодобытчиков продолжалась до тех пор, пока не началась «октябрьская ломка», разославшая «к чертям / орлов Екатерины / и к богу — / Екатерины / потомка» [5, с. 228]. В этом историческом экскурсе поражают две

неточности. Во-первых, поэт «ошибочно» принял Императора Николая II за потомка Екатерины I, по указу которой был заложен город, тогда как на самом деле Государь находился в родственных отношениях с Екатериной II. Во-вторых, вина за гибель Царя возложена Маяковским не на конкретных «заказчиков» и «исполнителей» (их он якобы не знает), а на революционную ситуацию в целом (по принципу: лес рубят — щепки летят). Приговор «Именем революции...» априори освобождал от ответственности всех, кто замыслил и творил её.

Чем объяснить «забывчивость» Маяковского, о способности запоминать которого ходили легенды? С одной стороны, можно предположить, что стихотворение отразило дух смутного времени, дух злобной агрессии народа, выступившего против Царя и Его Семьи. С другой — основанную на подлоге, лично заинтересованную в очернительстве Государя позицию Маяковского; намек на то, что последний монарх не является исключением из «потомственных кровопийц-императоров» по женской линии Катьки-Гекаты. Была и третья причина. «Мы, — признаётся он читающей публике, — настолько сейчас изощрены в поэтической технике и в способах владения словом, что состязаться в этой области скучно и непродуктивно. Было много противоречивых определений поэзии. Мы выдвигаем единственное правильное и новое, это — «поэзия — путь к социализму» [17]. Говоря иначе, служение искусства утверждению идей социализма всеми доступными способами — вот творческое и этическое кредо Маяковского постреволюционного периода [18].

Казалось бы, негативных эмоций в адрес Государыни Екатерины выплеснулось больше, чем по отношению к Императору Николаю II: Её — «к чертям», а потомка — «к богу». Но к какому «богу»? Только ли богоборческой позицией автора и требованиями орфографического режима советского времени можно объяснить графику сакрального имени, записанного со строчной буквы? Как показал Н.Н.Козлов, медная гора, у подножия которой располагается Екатеринбург, в мифологическом сознании может быть расшифрована не только как рудоносная жила, но и как жертвенник, обыкновенно изготавливаемый из меди⁶ и представляющий собой некое возвышение над уровнем земли, гекатомбу (-томбу — греч. тумбу), иначе: *жертвенник, посвященный Гекате*, или *большой жертвенник (гекса — греч. сто, много)* [16]. (См. также: в Исх. 10, 2 Заповедь первую: «...да не будут тебе бози инии, разве Мене», где «бози» — идолы.). Возможно, интуитивно Маяковский почувствовал, кому в жертву был доставлен Государь, и злорадно выругался по поводу этого события?⁷.

Если в стихотворении «Екатеринбург — Свердловск» мысль о ненужности Царя прозвучала осторожно, со ссылкой на обезличенную «октябрьскую ломку» (знак-замещение сил тьмы), то в стихотворении «Император» — уже открыто.

Композиция произведения трёхчастна. Первая часть основана на воспоминании Маяковского о личной встрече с Помазанником Божиим: «Когда я был гимназистом, я “имел счастье” наблюдать встречу царя в Москве. Нас вывели на Тверскую для показа этого представления. Вот об этих “встречах” здесь и идет речь...» [4, с. 123].

Вся вступительная часть стихотворения выдержана в ироническом тоне, что, как мы теперь понимаем, имеет под собой агитационно-пропагандистскую цель, которую Маяковский достигает изощренными (как он сам выразился) приёмами и подборкой лексики грубо-разговорного стиля («в ланде», «как чурки», «раззвонились»).

Покажем, как Маяковский «делал стихи» про Царя: а) в начале им использован прием намеренного неразличения промежутков церковного времени («то ли пасха, то ли рождество»); таким способом достигается цель — выведение истории из символического, иконического времени; б) названия церковных праздников записаны со строчной буквы — с целью выразить к ним пренебрежительное отношение; в) в сатирических красках изображены городовые и приставы, якобы суесящиеся в подбострастии — с целью дискредитировать обычай почитания Царя на Руси; г) использован прием умолчания имени Государя, как и в стихотворении «Екатеринбург — Свердловск» (там — безымянный «потомок», здесь — «военный молодой в холёной бороде») — с целью стереть имя правителя из народной памяти; д) портрет Государя построен на приёме усмешки, основанной на противопоставлении (молодой, а «в бороде»); е) пренебрежительное отношение к дочерям Государя выражено через сравнение с использованием точной рифмы («как чурки, четыре дочурки»); ж) описание государственных атрибутов царской России низведено до функций одежды (свита за ним «в орлах и в гербах»); з) торжественный въезд в Москву низведён до роли ничтожного события, отсюда — приём литоты («И раззвонившие колокола расплылись в дамском писке»). Идея первой, карнавальной, части стихотворения (Царь въезжает в Москву «на спинах булыжных, как на наших горбах...») прозрачна: Государь и Его приближенные смешны, не совпадают со временем, ненавистны народу, а потому не нужны. Царство без Царя — вот лозунг нового времени [19].

Исследователь древних культур Дж.Фрейзер обнаружил, что обычай убиения царя-жреца существовал во всех доисторических обществах на определенной стадии их развития. Цареубийство было одним из способов поддержания этноса в состоянии равновесия и определялось тем ключевым положением, которое занимал правитель в примитивном обществе. Так, в Вавилоне частью ритуала цареубийства являлись такие обрядовые практики, как унижение царя во время новогоднего карнавала и существование карнавального царя-шута (*zoganes*, «жигана»), которого выбирали на время из числа приговоренных к смерти преступников и убивали по окончании праздника Закеев, отмечаемого, между прочим, в июле [15, с. 320, 333-334]. Судя по «площадной» лексике, которую использовал Маяковский, поэту удалось найти такие речевые формулы, которые отразили

общее, языческое, умонастроение масс предреволюционной эпохи. Упомянутые в третьей части стихотворения «волки» и «козлы», следы которых якобы видны на месте захоронения последнего Императора, — многозначные образы: в реальном плане это обитающие в уральских лесах животные; в мифологическом — бесы и козлы отпущения, в символическом — имена-парафразы палачей и жертв. В общем, используя приём карнавального замещения, Маяковский нарисовал пародию на икону «Въезд Христа в Иерусалим», или антиикону, назвать которую можно было бы «Въезд Николая II в Москву», въезд, увиденный глазами лирического героя⁸. Такова первая часть стихотворения, поставившая вопрос: кого предполагается короновать вместо «ненужного» Царя? — В реальной действительности с завершением карнавальных дней законный император (или его преемник) продолжал править страной до следующего карнавала. В художественной действительности дело обстоит сложнее.

Вторая часть стихотворения «Император» переносит читателя в Сибирь и на Урал, над которыми разыгрывается метель. Лаконичная пейзажная зарисовка богата на литературные ассоциации: Пушкин [«Капитанская дочка» — [1, с. 201], стихотворение «Бесы»; Лермонтов [«Воздушный корабль» — [20]. Интересную, на наш взгляд, точку зрения высказал О.А.Лекманов (приведу пространную цитату из его статьи — О.С.). Исследователь увидел «переключку микрофрагмента из второй части «Императора» со строками из поэмы Александра Блока «Двенадцать». У Маяковского: «Вселенную / снегом заволочло. / Ни зги не видать — / как на зло» [21]. У Блока: «Разыгралась чтой-то вьюга, / Ой, вьюга, ой, вьюга! / Не видать совсем друг друга / За четыре за шага!» Вспомним, что в седьмой главке поэмы «Хорошо!» весь смысл «Двенадцати» едва ли не сведен к символической фигуре Христа, появляющейся у Блока в финале: «Уставился Блок — / и Блокова тень / глазеет, / на стенке привстав... / Как будто / оба / ждут по воде / шагающего Христа». Вспомним для того, чтобы высказать самое рискованное и, возможно, даже сомнительное предположение во всей нашей комментаторской заметке: не служит ли в «Императоре» реминисценция из «Двенадцати» сигналом соотнесенности в сознании Маяковского мученической кончины Николая II с распятием Христа? Если это так, то и безрезультатные поиски могилы императора можно было бы осторожно сопоставить с соответствующим евангельским эпизодом: «Его нет здесь» (Мф. 28: 6). В том, что мы не вовсе не правы, как представляется, убеждает образ «короны лучей» из третьей части «Императора», легко соотносимый с терновым венцом, особенно если вспомнить один из черновых вариантов строки Маяковского о короне: «Корону можно на лоб получить...» Корона вместе с шахтой оказывается почти изоморфной надписи «Царь Иудейский» на кресте: царским знакам на месте казни» [22].

Версия О.А.Лекманова об отсутствии Императора на предполагаемом месте Его захоронения звучит заманчиво, но неуверенно — уже хотя бы потому, что ни портретируемого, ни иконического образа Государя (подобно Христу распятому) в последней части стихотворения исследователь не увидел. А увидел ли Его прежде всего автор стихотворения? Он пишет: «Здесь кедр / топором перетроган, / зарубки / под корень коры, / у корня, / под кедром, / дорога, / а в ней — / император зарыт» [21, с. 235]. Маяковский прямо констатирует: здесь место захоронения Николая II — место бесславное, не на кладбище, в стороне от города, на дороге, которую топчут и по которой ездят. Здесь место, приличествующее разве что какому-то бродяге, страннику или убийце, которому никаких почестей не полагается — ни отпевания по православному чину, ни салютов, тем более, памяти о нём. Допускаем, что близкий к политическим кругам Маяковский мог не знать всех подробностей «Царского дела», но прямо или косвенно его стихотворение пропагандирует фальсификационную информацию о Царских останках и о месте их захоронения в «Поросёнковом логу». Как утверждает А.И.Парамонов, это урочище ему показал сам Янкель Юровский, здесь Парамонов сделал зарубки на память и в 1928 году сюда же привозил Маяковского [23].

Так же, как и в первой части стихотворения «Император», во второй переплетаются и сосуществуют несколько смысловых планов. Прежде всего меняются пространственно-временные координаты повествования: действие из теперь уже не святой, а советской столицы — Москвы — переносится «за Исеть, / где шахты и кручи», то есть не только в провинцию (реальный план), но и в мир иной, где насильственно (не карнавально!) окончена жизнь царя. Образ зимнего леса также многопланов: в прямом смысле — это растительное царство деревьев; в символическом — адские глубины, в сказочном — царство мёртвых, в мифологическом — эпицентр отправления языческих культов Исиды и Осириса в давнем и недалёком прошлом. В этом загробном мире оказываются двое — лирический герой и его проводник (своего рода Данте и Вергилий; сказочный Иван и его сказочный помощник). Этот проводник помогает герою отыскать место нахождения Императора: в реальном плане оно «на 9-й версте»; в символическом — на 9-м круге ада. Если эту часть повествования в стихотворении Маяковского спроецировать на 9 кругов ада из «Божественной комедии» Данте [24], то окажется, что последний император Николай II томится на последнем круге ада, называемого Коцит. Более того, круг 9-й — это эпицентр адских мучений. Сюда попадают изменники и предатели. Здесь, согласно поэме Данте, находится вмёрзший в ледяное озеро Люцифер. Его лицо обращено вниз. Здесь он истязает известных предателей: Иуду, Брута, Кассия. Среди адского холода мучаются и все остальные предавшие души. Следовательно, в символическом плане герои-путешественники оказались там, где, по мысли Маяковского, должен пребывать отрёкшийся от престола Государь. Уточним: там, где место того, кто предал и Самого Бога (в реальном плане — Иуда, в символическом — Люцифер). Следовательно, вопрос о праве последнего Императора на корону, по мысли поэта, неуместен, отпадает сам собой. К этому выводу, кажется, обязывает и концовка стихотворения: «Корону / можно / у нас получить, / но только / вместе с шахтой» [21, с. 236]. Корона,

если и позволительна, то после предъявления магических способностей императора, спустившегося в шахту-ад и присягнувшего властелину тьмы. Но может ли быть коронован предатель? И можно ли представить, чтобы Государь Николай II присягал демону?!

Казалось бы, толкование стихотворения «Император» на этом можно было бы закончить. Однако многих исследователей текста Маяковского смущает образ кедр, появляющегося в художественном пространстве на месте захоронения последнего Царя: «Здесь кедр / топором перетроган, / зарубки / под корень коры, / у корня, / под кедром, / дорога, / а в ней — / император зарыт» [21, с. 235]. Побывавшие здесь недоумевают: ни на Ганиной Яме, ни в «Поросёнковом логу» кедры не произрастают. Однако в метафорическом пространстве их появление не удивительно. Обратимся к фактам, чтобы прояснить смысл таинственного образа дерева.

Как показал В.Я.Пропп, сказочный материал свидетельствует, что сохранение и закапывание костей убитого животного или человека, во-первых, предупреждает его окончательное умирание; во-вторых, что жизнь убитого продолжается в виде растения; в-третьих, что убитое и ожившее в растении существо помогает оставшимся в живых родным [25]. Отсюда в сказочном плане кедр — это дерево, означающее человеческую судьбу Императора: он убит (в реальном плане расчленён, раздроблен до костей). Именно это знал Маяковский, его вожатый Парамонов и небольшой круг прямых и не прямых свидетелей «Царского дела». Большая часть населения России знала только об убийстве вообще и ничего о расчленении тела царственной особы, в частности.

В то же время кедр как восточное дерево — нередкий объект мифов и легенд. Со ссылкой на исследования А.Море и Дж.Фрейзера, В.Я.Пропп утверждает, что в распространенном на Востоке культе Озириса его убийство и воскрешение разыгрывалось как мистерия: злой брат Сет обманом заключал тело Озириса в ящик, который впоследствии чудесной силой этого божественного тела превращался в дерево. Таким образом, само тело Озириса оказывалось заключенным в ствол дерева. Это дерево Сет разрубал на 14 частей и разбрасывал их по всему свету. Изида находила их, собирала воедино и воскрешала, изготовив подобие каждой части из воска и благовонных веществ по размеру этих частей [25, с. 28]. Следовательно, в мифологическом плане кедр — это дерево, означающее царскую судьбу Николая II: он принесён в жертву идолу, злому Сету — антагонисту Озириса (в христианском контексте — самому сатане). Остановка путников «на 9-й версте» подтверждает догадку о том, что Маяковский знал и об этом.

Кроме двух упомянутых, известно и третье — Крестное Дерево, которое, согласно церковному преданию, состояло из трёх пород деревьев: столб — из кипариса, большая поперечная перекладина для рук Христа — из певга (сосны), малая перекладина-подножие — из кедра. Крестное Дерево на месте гибели последнего русского Царя, на месте языческого жертвенника, на месте шахты (входа в преисподнюю) — это многозначный символ, семантика которого высвечивает, с одной стороны, два события: «Распятие Христа» и «Сошествие во ад», а с другой — распятие Государя, уподобившегося Христу. Муза и в этот раз не обманула Маяковского: силой творческой интуиции он запечатлел Голгофу русского Царя, но не поверил (или не захотел поверить) самому себе и не высказался по этому поводу более определённо.

Наконец, кедр, который «топором перетроган», у которого «зарубки под корень коры», — это ещё и аллегорический образ русского человека: да, у него подрублены корни — основы Православия и Самодержавия, ему нанесены раны, с него местами содрана кора (он расхристан и раскрещен), его ум затерян в лесу заблуждений, но он продолжает жить, чудом удерживаясь на краю шахты-преисподней. Это Маяковский увидел — и перетолковал с противоположным (отрицательным) знаком. Финальная часть стихотворения (по жанру — плакат в духе Окна РОСТА, как справедливо замечено в уже цитированной статье О.А.Лекманова) строго предупреждает читателя: «Корону / можно / у нас получить, / но только / вместе с шахтой» [21, с. 236]. Из уст пролетарского поэта это предупреждение звучит угрожающе и, очевидно, имеет профилактический характер: оно адресуется всем, кто пожелал бы реставрировать православие и монархическую власть в России.

В целом, в диптихе, посвященном царской теме, Маяковским осуществлена дискредитация русского Царя путем внедрения в массовое сознание ложных сведений о нем самом, членах его семьи, приближенных, о месте захоронения Государя. Поэт скрыл имена истинных виновников убийства⁹. Находясь в плену собственной «громады-ненависти», считая Царя «гадиной», вопреки интуитивным прозрениям, вопреки логике здравого смысла, Маяковский намеренно портретирует негативные характеристики Государя как в его облике, так и в личности, делая акцент на образе — без всякой связи Помазаника Божия с Первообразом¹⁰. Поэтизация мысли о «справедливом» возмездии (в частности, расправе над Царём) должна была бы послужить делу развоцерковления, раскрещивания и расхристьянивания человека, а по сути, подчинению русского Ивана бесовским силам, к которым перешла власть. Однако Маяковскому не удалось до конца осуществить свой художественный замысел: невольно он запечатлел иную картину — торжество русского Царя-мученика над силами тьмы. Место, на котором Государь был принесён в жертву языческим идолам, оказалось запечатанным силою Честного и Животворящего Креста Господня.

Примечания

1. Известно, что в 1917 году В.И.Лениным, Я.М.Свердловым и Л.Д.Троцким всерьёз обсуждался вопрос о переносе столицы в Екатеринбург на случай провала октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.
 2. Ключевым словом этого приветствия является «городище», как кажется на первый взгляд, гипербола — столь излюбленный Маяковским поэтический троп. Однако на самом деле в художественном пространстве «уральского четверостишия» городище на краю преисподней есть не что иное, как капище, в котором разворачивается мистерия идолослужения.
 3. В доисторические времена одно из них действительно существовало на линии Екатеринбург—Пермь, вблизи нынешнего Кировограда. В археологических кругах эта находка именуется «Большим Шигирским идолом». Идол обнаружен 05.02.1890 г. Его возраст — приблизительно 11 тысяч лет, т.е. он в два раза старше египетских пирамид.
 4. Матвеев А.К. и Поздеев В.В. уточнили семантику только первого корня — ур — «вершина», «высокий», остановившись в нерешительности перед вторым корнем -ал. Прочтение топонима как Ур (x) ал-дейский принадлежит нам.
 5. Характерно, что по возвращении из Свердловска стихотворение было перепечатано под другим, взятым из песни заглавием: «Где золото роют в горах» (в Литературном приложении к газете «Ленинградская правда», 1928, № 4, 25 февраля и в газете «Вечерний Киев», 1928, № 54, 3 марта) — См.: Арутчева В.А. Примечания // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. М., 1955. С. 544. Действительно, трехстопный амфибрахий, которым написана песня о бродяге, положен в основу стихотворения Маяковского «Император» (ср.: По-ди'-ким / сте-пя'м-За / бай-ка'-ля / ...» и «Здесь-ке'др-то / по-ро'м-пе / ре-тро'-ган / ...»).
 6. Пример описания такого жертвенника имеется в Ветхом Завете: «Сей сотвори алтарь меден из кадильниц медных...» (Исх. 38, 1)
 7. В черновиках стихотворения «Император» имеются и более экспрессивные строки: «В короне из золотожиля / Башкой в изумрудные копи / Лежит как его уложили / На лоб драгоценности копит...» — См.: Дядичев В.Н. Варианты стихотворений // Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. Т. 3. С. 373.
 8. О восприятии русского царя как Бога см.: Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 47-153. На параллель Христос — Николай II в стихотворении Маяковского «Император» было указано в цитируемой далее статье: Лекманов О.А. Последний император. С. 197-206.
 9. Современные историки, ведущие изыскания по делу о Царских останках, сетуют, что до сих пор в тени известных фактов остается вопрос о персонализации, личном наследовании властной харизмы Императора Николая II, ставшем возможным в результате царубийства в ночь на 17 июля 1918 года. Но нескольких таких «наследников», хотя и не царской крови, и недолго «властвовавших», назвать можно. Это те, именами которых в советское время были названы города, площади, улицы. В частности, Свердлов и Свердловск, который Маяковский воспел как антииконичный топос, или анти-Иерусалим. Редко кто из комментаторов обходит молчанием строки, сохранившиеся в черновиках к стихотворению «Император» и утаенные от публики: «Я вскину две моих пятерни / Что я голосую против / Спросите руку твою протяни / казнить иль нет человечья дни / не встать мне на повороте / Живые, так можно в зверинец их / Промежду гиеной и волком / И как ни крошечен толк от живых / От мертвого меньше толку / Мы повернули истории бег / Старье навсегда провозжайте / Коммунист и человек / Не может быть кровожаден». — См.: Маяковский В.В. Варианты стихотворений // Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2014. С. 373. / Тексты и комментарии В.Н.Дядичева. / По мнению большинства литературоведов, поэт колебался в вынесении однозначной оценки Государю от имени «коммуниста и человека», то есть с гражданско-классовых позиций, и обдумывал возможные варианты решения судьбы Николая II и Его Семьи: кровавая расправа или зоологический экспонат в назидание потомкам? Однако вряд ли столь прагматичное решение, как выставление фигуры Царя в качестве артефакта, многим лучше Его убийства. Никакого удивления эта позиция Маяковского не вызывает: если к моменту написания стихотворения «Император» (1928) на Красной площади уже покоилась мумия вождя пролетариата, то почему бы эту ситуацию не продублировать и с «бывшим» Царем?
1. Лукьянин В. Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1. С. 177-208.
 2. Маяковский В.В. Три тысячи и три сестры // Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2014. С. 224-225.
 3. Залесский К.А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь [Электр. ресурс]. М., 2000. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_we/voikov_pl.php (дата обращения: 02.02.2018).
 4. Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу. М., 1963. С. 93.
 5. Маяковский В.В. Екатеринбург — Свердловск // Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2014. С. 229.
 6. Савченко С.Н. Тайны Шигирских древностей // Мир музея. 2004. № 8. С. 2-6.
 7. Савченко С.Н., Жилин М.Г. О новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 130-135.
 8. Толмачёв В.Я. Древности Восточного Урала // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXXIV. Вып. 8—10. Екатеринбург, 1914.
 9. Чаиркина Н.М. Большой Шигирский идол // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 100-110.
 10. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1997. В дальнейшем все библейские цитаты приводятся по этому изданию.
 11. Козлов Н.Н. Царская жертва. М., 2010 [Электр. ресурс]. URL: <http://rosh-mosoh.livejournal.com/14982.html> (дата обращения: 02.01.2018).
 12. Матвеев А.К. Географические названия: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2008. С. 6.
 13. Поздеев В.В. Топонимика Южного Урала: Историко-топонимический словарь. Челябинск, 2013. С. 331.
 14. Пернети Д. Мифы Древнего Египта и Древней Греции: В 2 т. Т. 1. Париж, 2006. С. 148-155.
 15. Фрейзер Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 2012. С. 430-436.
 16. Козлов Н.Н. Екатеринбургская гекатомба. 2014 [Электр. ресурс]. URL: <http://rosh-mosoh.livejournal.com/27466.html> (дата обращения: 03.01.2018).
 17. Маяковский В.В. Казалось бы, ясно... // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М.: ГИХЛ, 1955. С. 192.
 18. См. об этом специальное исследование: Печоров Г.М. В.В. Маяковский и XXI век: Этический кодекс чести, эстетика и поэтика в его творчестве. М.: МГОПУ: Альфа, 2003. 388 с.
 19. Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. Ч. 1. М., 2008. С. 11-505.
 20. Арутчева В.А. Примечания // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. М., 1955. С. 544.
 21. Маяковский В.В. Император // Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. Т. 3. С. 234-236.
 22. Лекманов О. Последний император // Знамя. 2014. № 2. С. 204-205.
 23. Запись 1934 года А.Г.Бромберга. Государственный музей В.В. Маяковского. См.: Дядичев В.Н. Комментарии к стихотворению «Император» // Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. Т. 3. С. 504.
 24. Данте. Божественная комедия. М., 2017. 328 с.

25. Пропп В.Я. Волшебное дерево на могиле (К вопросу о происхождении волшебной сказки) // Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001. С. 9.

References

1. Luk'yanin V. Mayakovskiy «sam» i pyat' ego sverdlovskikh dney // Ural. 2003. № 1. S. 177-208.
2. Mayakovskiy V.V. Tri tysyachi i tri sestry // Mayakovskiy V.V. Poln. sobr. proizvedeniya: V 20 t. T. 3. M.: Nauka, 2014. S. 224-225.
3. Zalesskiy K.A. Imperiya Stalina: Biograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Elektr. resurs]. M., 2000. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_we/voykov_pl.php (data obrashcheniya: 02.02.2018).
4. Lavut P.I. Mayakovskiy edet po Soyuzu. M., 1963. S. 93.
5. Mayakovskiy V.V. Ekaterinburg — Sverdlovsk // Mayakovskiy V.V. Poln. sobr. proizvedeniya: V 20 t. T. 3. M.: Nauka, 2014. S. 229.
6. Savchenko S.N. Tayny Shigirskikh drevnostey // Mir muzeya. 2004. № 8. S. 2-6.
7. Savchenko S.N., Zhilin M.G. O novykh detalyakh izobrazheniy Bol'shogo Shigirskogo idola // Chetvertye Bersovskie chteniya. Ekaterinburg, 2004. S. 130-135.
8. Tolmachev V.Ya. Drevnosti Vostochnogo Urala // Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya. T. XXXIV. Vyp. 8—10. Ekaterinburg, 1914.
9. Chairkina N.M. Bol'shoy Shigirskiy idol // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2013. № 4 (41). S. 100-110.
10. Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. M., 1997. V dal'neysheem vse bibleyskie tsitaty privodyatsya po etomu izdaniyu.
11. Kozlov N.N. Tsarskaya zhertva. M., 2010 [Elektr. resurs]. URL: <http://rosh-mosoh.livejournal.com/14982.html> (data obrashcheniya: 02.01.2018).
12. Matveev A.K. Geograficheskie nazvaniya: Toponimicheskiy slovar'. Ekaterinburg, 2008. S. 6.
13. Pozdeev V.V. Toponimika Yuzhnogo Urala: Istoriko-toponimicheskiy slovar'. Chelyabinsk, 2013. S. 331.
14. Perneti D. Mify Drevnego Egipta i Drevney Gretsii: V 2 t. T. 1. Parizh, 2006. S. 148-155.
15. Freyzer Dzh. Zolotaya vetv': Issledovaniya magii i religii. M., 2012. S. 430-436.
16. Kozlov N.N. Ekaterinburgskaya gekatomba. 2014 [Elektr. resurs]. URL: <http://rosh-mosoh.livejournal.com/27466.html> (data obrashcheniya: 03.01.2018).
17. Mayakovskiy V.V. Kazalos' by, yasno... // Mayakovskiy V.V. Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 12. M.: GIKhL, 1955. S. 192.
18. Sm. ob etom spetsial'noe issledovanie: Pechorov G.M. V.V. Mayakovskiy i XXI vek: Eticheskii kodeks chesti, estetika i poetika v ego tvorchestve. M.: MGOPU: Al'fa, 2003. 388 s.
19. Bakhtin M.M. Fransua Rable v istorii realizma // Bakhtin M.M. Sobr. soch.: V 8 t. T. 4. Ch. 1. M., 2008. S. 11-505.
20. Arutcheva V.A. Primechaniya // Mayakovskiy V.V. Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 9. M., 1955. S. 544.
21. Mayakovskiy V.V. Imperator // Mayakovskiy V.V. Poln. sobr. proizvedeniya: V 20 t. T. 3. S. 234-236.
22. Lekmanov O. Posledniy imperator // Znamya. 2014. № 2. S. 204-205.
23. Zapis' 1934 goda A.G.Bromberga. Gosudarstvennyy muzey V.V. Mayakovskogo. Sm.: Dyadichev V.N. Kommentarii k stikhotvoreniyu «Imperator» // Mayakovskiy V.V. Poln. sobr. proizvedeniya: V 20 t. T. 3. S. 504.
24. Dante. Bozhestvennaya komediya. M., 2017. 328 s.
25. Propp V.Ya. Volshebnoe derevo na mogile (K voprosu o proiskhozhdenii volshebnoy skazki) // Propp V.Ya. Skazka. Epos. Pesnya. M., 2001. S. 9.

Sergeeva O.A. The Tsar Golgofa in the presentation of V.V.Mayakovskiy. This article is devoted to the attitude of poet V.V.Mayakovskiy to the last Emperor of Russia Nikolay II. The author tries to shed light on some of the topical issues of our time: Why Nikolay II was killed in Yekaterinburg — Sverdlovsk? Who was involved in this murder? What artistic means were used to illustrate events that had a great impact on the history of Russia in the past and the present? The search for answers to these questions is based on folklore, mythological, symbolic material. The result of the investigation is the idea of triumph of justice, despite the poet's attempt to distort the personality of the Russian Emperor.

Keywords: Tsar, carnival, ritual murder, tree, myth, icon, symbol.

Сведения об авторе. О.А.Сергеева — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Санкт-Петербургского военного института физической культуры; slovo Svet@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.